

УДК 81'37

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/11

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.В. Филь

Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, ул. Ленина, 36

E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Вопросы номинации человеком окружающей действительности для современного языкознания по-прежнему представляют интерес, при этом остается пристальным исследовательское внимание к славянскому глаголу, его дополнением номинативным возможностям по сравнению с аналогичными единицами в других европейских языках, которое достигается за счет глагольных префиксов, обладающих способностью модифицировать значение глагола, обогащать его семантику. Несмотря на близкое родство русского и чешского языков, они обнаруживают значительные отличия в грамматическом и лексико-семантическом плане, в том числе в сфере глагола. В работе рассматриваются особенности обозначения действия носителями русского и чешского языка путем исследования глагольных единиц с разным типом номинации. Многоуровневая семантика славянского глагола отражает действие с учетом его различных параметров и в соответствии с разными номинативными моделями, сопоставление русских и чешских глагольных единиц позволяет выявить общее и различное в категоризации действия и принципах его языкового оформления в данных языках.

Ключевые слова: русский глагол, чешский глагол, номинация действия, семантика глагола, модификационные и мутационные значения.

ON THE DENOTATION OF ACTION IN RUSSIAN AND CZECH

Y.V. Fil

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

In the present paper, the issue of how different parts of reality can be designated in language is explored by addressing the Slavic verb. When compared to verb units in other European languages, the Slavic verb shows additional denotational potential, which is due to verbal prefixes that can modify the meaning of the verb and enrich its semantics. While Russian and Czech are closely related languages, they show considerable differences in grammar and lexical semantics, including those of the verb. The paper focuses on the ways an action is denoted by the speakers of Russian and Czech. By studying verbal units with different types of nomination, we discover that multi-level semantics of the Slavic verb denotes an action together with a number of parameters, and follows various nominative models. The comparison of Russian and Czech verb units allows to highlight the common and the specific features in how these languages categorize action. The comparison also helps discover the principles that govern the linguistic rendering of action in the two languages.

Keywords: Russian verb, Czech verb, denotation of action, verb semantics, modificational and mutational meanings.

Уже в XVIII в. была отмечена склонность славянского глагола к особой описательности действия, его способность не просто фиксировать действие, но и отражать в целом ситуацию, связанную с протеканием этого действия, во всех ее пространственных, временных, количественных и других аспектах. Исследовательское «очарование» славянским глаголом, прежде всего категорией вида, начавшееся еще задолго до того периода, когда данная глагольная категория и средства ее выражения были в полной мере осмыслены русскими и европейскими лингвистами (Н. Греч, С. Карцевский, М. Ломоносов, А. Мазон, А. Мейе, Н. Некрасов, Г. Павский, А. Потеня и др.), на современном этапе развития лингвистической науки сменилось пристальным вниманием к неоднозначной семантической природе глагола (Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина,

Ю.С. Маслов, В.Г. Гак, М.Я. Гловинская, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Е.В. Петрухина и др.).

Объектом описания в исследованиях по глаголу в разное время становились аспектуальные черты славянского (в большей мере русского) глагола, общие и частные значения видов, лексико-семантические классы глагольных единиц, глагольные словообразовательные формации, грамматические и лексические особенности глагольных префиксов, специфика функционирования глагола и т.д. Не менее значимым представляется изучение вопросов номинации действия, при котором глагол выступает словным маркером целого фрагмента действительности, находящейся в постоянном движении и требующей от носителей языка специальных средств обозначения. В этой связи обращение к сфере глагола дает возможность проследить живую динамику языка, его связь с процессами категоризации, выявить спектр номинативных языковых средств и их возможности.

Понятие номинации базируется на принципах членения человеком окружающей действительности на субстанции с характерными для них признаками и действия с их участниками и обстоятельствами. Для называния действия принципиальным представляется номинативный фокус, исходя из которого человек рассматривает действие, выделяя для себя значимые для его называния параметры: пространственные ориентиры, протяженность во времени, способ совершения / протекания, завершенность / незавершенность, степень достижения результата и т.д. Естественно, что в силу внутренних закономерностей развития в каждом языке действие обозначается по-своему (с учетом значимых для носителя языка указанных номинативных параметров), каждый язык имеет свой набор языковых моделей называния действия. При этом в близкородственных языках и параметры отражения действия, и модели его обозначения могут пересекаться. Так, в области называния действия в русском и чешском языках можно говорить об общей базе принципов номинации и в целом высокой изобразительности глагола и об отличиях на уровне способов номинации действия и их продуктивности в том или ином языке.

Прежде всего, следует отметить наличие в данных языках общего фонда слов, обозначающих первичные физические и физиологические действия, а также характерные для всех славян наименования трудовых процессов. Однако наличие общеславянского лексического ядра еще не говорит о полном тождестве формы и значения

этих единиц, область расхождения глагольной лексики русского и чешского языка крайне значительна, при этом отдельные единицы и даже группы единиц специфичны именно в силу особенностей названия действия в том и ином языке.

Так, например, плетение у славян возникло, прежде всего, в районах рек и озер, где в достатке имелся соответствующий природный материал, наблюдалась потребность в плетеных изделиях (рыболовных снастях, ловушках для зверей и птиц и т.д.). В зависимости от назначения плетения варьировались «состав» действия, его ход, способ, орудия. Для номинации этого простейшего действия оказывались важны не только признак или элемент структуры действия, легшие в основу названия, но и способ его представления носителем языка, определивший впоследствии сферу референции языковых единиц. Реалия плетения представлена в славянских языках глаголами, большинство из которых функционируют с общеславянского периода: *vezati, *viti, *plesti. Их аналогами в русском и чешском языках являются следующие единицы: русский глагол *вязать* / чешский *vázat* (связывать книги), *plést* (вязать чулки); русский глагол *вуть* / чешский *vít*; русский глагол *плести* / чешский *plést*. Далее список глаголов плетения относительно равномерно пополнялся в русском и чешском языках: *шмонать* / *štopovat, šteповat, вязать* / *háčkovat* («вязать крючком»), *паличковать* («вязать с помощью коклюшек») и т.д.

Однако наличие в рассматриваемых языках общих единиц, отражающих процесс плетения, оборачивается принципиальными различиями в номинативных особенностях перечисленных глаголов. Большинство русских единиц не маркированы по объекту и инструменту действия, их содержание соотносимо с ситуациями оперирования разным объектом, посредством разного инструмента: *плести* (косы, лапти, туеса, кружево) с использованием в качестве инструмента рук либо крючка; *вязать* (шарф, кружево) с использованием спиц либо крючка. В чешском языке аналогичные глаголы различают действия с соответствующим объектом и инструментом: ситуация заплетания косы фиксируется чешским глаголом *zaplétat* *cop, vlasy*, ситуацию плетения / вязания кружева называет глагол *paličkovat* *krajku*, для обозначения ситуации вязания спицами используется глагол *plést*, ситуации вязания крючком – глагол *háčkovat*. Таким образом, в чешском языке отмечается более жесткая специализация глагольных единиц на номинации определенного типа действия, «привязанного» к соответствующей единице. Номинативный потенциал русских единиц

с семантикой плетения представляется более широким, в результате чего одной единицей можно обозначить несколько ситуаций.

Отметим и несовпадение номинативного потенциала отдельных глаголов плетения. Так, при сравнении русского глагола *вязать* и чешского *vázat* («связывать, вязать снопы», «переплестать книги», «повязывать галстук») видно, что значения последнего лежат в области семантики соединения объектов, а не вязания как такового, как в русском языке. Аналогичное несовпадение наблюдается у русского глагола *плести* и чешского *plést* («плести», «вязать»): русский глагол не имеет значения «вязать», между русскими единицами *плести* и *вязать* отмечается дифференциация номинативного потенциала.

Заметим, что одной из особенностей глагольной номинации в чешском языке является более продуктивная (по сравнению с русским) модель называния действия по предмету, выступающему инструментом / объектом действия. В качестве иллюстрации данной особенности, помимо рассмотренных выше глаголов *háčkovat* от *háček* (вязальный крючок), *paličkovat* от *palička* (палочка, коклюшка), могут выступить единицы *kartáčovat* («чистить щеткой») от *kartáč* (щетка); *čmárat* («писать криво, каракулями») от *čmára* (черта), *lyžovat* («ходить на лыжах») от *lyže* (лыжа) и т.д. Такая модель обозначения действия, по всей видимости, менее характерна для русского глагола (исключение составляют русские глаголы покрытия, например, *пудра* – *пудрить*).

Продолжая сравнение русских и чешских глаголов плетения, отметим различие в их префиксальных производных: русские глаголы *вплести*, *выплести*, *заплести*, *наплести*, *оплести*, *отплести(сь)*, *переплести(сь)*, *расплести(сь)*, *сплести(сь)*; чешские единицы *vplést*, *zaplést*, *naplést*, *oplést*, *proplést (se)*, *přeplést*, *rosplést (se)*, *splést (se)*, *uplést*. Как видим, в русском и чешском языках полного соответствия в инвентаре глагольных префиксов, участвующих в образовании данных единиц, нет. Кроме того, не всегда наблюдается и семантическое соответствие русских и чешских приставок, несмотря на их генетическое родство; это же относится и к неравномерной деривационной активности префиксов в двух языках. Однако зоной наибольших различий между языками является сфера формирования модификационных и мутационных значений префиксальных единиц.

Не меньшей дискуссионностью, чем определение инвариантного значения совершенного вида и описание его частных значений, отличалось исследование производной глагольной номинации в

славянских языках. Работы Ю.Д. Апресяна, М. Докулила, Л.А. Вараксина, А.В. Исаченко, С. Карцевского, Е.В. Петрухиной, З. Скоумаловой, П.А. Соболевой, М.А. Шелякина и других исследователей представляют богатую историю описания модификационного и мутационного типов номинации действия, поиска критериев разграничения данных значений, в качестве которых предлагались сравнение валентностей исходного и производного глаголов, толкование их значений, сравнение лексико-синтаксической сочетаемости производящего и производного слов и т. д. В результате к модификационному типу были отнесены темпоральные и количественные глагольные значения, в то время как локативные значения признаны мутационными. В славянских языках в сфере префиксального глаголообразования наиболее частотными считаются модификации (Петрухина 2000). Однако ряд значений, находящихся на пересечении указанных типов, так и не был однозначно классифицирован исследователями: например, значение глагола *добежать* (до леса) с точки зрения обозначаемой им внутренней законченности действия может быть истолковано как модификационное, а с точки зрения его пространственного ориентира – как мутационное.

Сложная многоуровневая и многоаспектная семантика славянского глагола не всегда поддается однозначной интерпретации ее номинативной (модификационной и мутационной) направленности. Представляется необходимым обращение в этом вопросе к анализу глубинной семантической структуры глагола. В этом случае мутационное и модификационное значения считаются противопоставленными по направленности и степени сложности номинации: мутация, в отличие от модификации, предполагает не корректировку исходного значения глагола, а создание на базе него «сложной номинации, не только называющей новую ситуацию, но и выражающей связь между ней и исходным действием» (Петрухина 2000: 118–119). Такая номинация формируется на базе обозначения двух (и более) ситуаций (Петрухина 1996, Лебедева 1999, Петрухина 2000, Королева 2003), когда на денотативном уровне имеет место совмещение двух и более событийных пропозиций в структуре глагола: *проспать* поезд (одновременно спать и ждать поезд, в итоге не достигнуть результата ожидания), *выплакать* игрушку (одновременно плакать и желать игрушку, целенаправленно добываясь ее плачем) и т. п. При этом при модификации приставка «отвечает» за обозначение параметров исходного действия (фазовых, количественных и др.), а при мутации

приставка выражает само действие, в то время как исходный глагол уточняет способ его совершения.

Обращаясь к материалу русских и чешских глаголов, естественно предположить, что в каждом из рассматриваемых языков имеется определенный набор моделей номинации действия, которые могут быть сходными или идентичными в этих языках (в силу их генетического общности), а могут быть специфическими для каждого языка. Сходство языков, как правило, проявляется в моделях, по которым образуются модификационные значения (различия между языками будут касаться продуктивности той или иной модели, того или иного префикса-модификатора). В сфере мутации, более редкой для номинации действия, могут отмечаться отдельные единицы или целые группы единиц, созданные по моделям, не характерным для другого языка. Для подтверждения данного утверждения обратимся к анализу русских и чешских глаголов с префиксами OT- и OD-, которые являются деривационно активными в рассматриваемых языках.

Исследователи отмечают, что основным, исходным значением префикса OT- является пространственное значение «отдаление от известной точки», которое реализуется главным образом с глаголами перемещения (Волохина, Попова 1993). Однако при взаимодействии с глагольными основами приставка трансформирует свою семантику и в русском, и в чешском языках, круг значений приставки широк и представляет собой определенную иерархическую систему, представленную как конкретными (начиная от пространственного), так и абстрактными значениями. Представляется возможным, что данный славянский префикс способен выступать и в качестве мутационного.

При сопоставлении рассматриваемых префиксальных глаголов чешского и русского языка выделяются несколько групп соответствий: чешскому глаголу с префиксом OD- соответствует русский глагол с префиксом OT-, чешскому глаголу с префиксом OD- соответствует русский глагол с другим префиксом, чешскому / русскому глаголу соответствует аналитическое образование. Охарактеризуем каждый из случаев.

Условно объединим в первую группу глаголы, в которых значения префиксов OD- / OT- и соответственно глаголов коррелируют друг с другом. Это следующие значения.

1. Удаление, отдаление, отстранение от кого-либо, чего-либо (*odklonit se / отклониться, odjet / отъехать, odkládat / откладывать* в сторону).

2. Удаление, отделение от предмета его части или же другого предмета, ранее тесно с ним связанного (*odhryznout / отгрызть, odervat / оторвать, odkousnout / откусить*).

В группе глаголов с данным значением приставки есть блок чешских единиц, образованных по особой номинативной модели от существительного, маркирующего объект действия: *odblanit / очистить* от пленок и жил (мясо) (*blána* – пленка, перепонка); *odhmyzit / очистить* от насекомых (*hmyz* – насекомое); *odplevelit / очистить* от сорняков, *propolot / пополоть* (*plevel* – сорняк). В результате подобной номинации происходит семантическая трансформация имени в глагол при сохранении общей семантики глагольного префикса; производная единица может быть отнесена к мутационному типу деривации. Как указывалось выше, в отличие от русского языка, в чешском языке модель номинации действия по предмету крайне продуктивна.

3. Ответное действие (*odepisovat / отвечать на письмо, odbrouknout / буркнуть в ответ*). Подобные единицы, по всей видимости, не могут считаться модификационными, так как в их семантической структуре наблюдаем указание на скрытую ситуацию первоначального действия, потребовавшего ответного, а также несовпадение логических / семантических валентностей глагола и целевой перспективы исходного и производного действий: Субъект № 1 написал письмо + Субъект № 2 ответил на него. Глаголы с этим значением находятся ближе к зоне мутационных значений.

4. Завершение и прекращение действия (*odkvest / отцвессти, odehrat / окончить играть, отыграть, odeznit / отзвучать*).

5. Избавление от чего-либо, устранение чего-либо (*odnaučit / отучить, odeprát / отстирать*). В этой группе глаголов отмечаются единицы с аналогичным значением приставки, но не имеющие в русском языке эквивалентов с префиксом ОТ-. В русском языке им соответствуют русские глаголы с префиксом ОБЕЗ-: *odbarvit / обещетить, odkrvit / обескровить, odmastit / обезжирить*.

Завершают данную группу глаголы совершенного вида с оттенком интенсивности действия или с оттенком тщательности выполнения (*odfiltrovat / отфильтровать, odbubnout / пробарабанить, odkapat / стечь каплями*).

Как показывает анализ, большинство параллельных форм с префиксами ОТ- и ОД- в русском и чешском языках квалифицируются как модификационные (прежде всего, указанные значения 1, 2, 4, частично 5), т. е. корректирующие действие при его назывании и ха-

рактирующиеся как временные, количественные, результативные вариации исходного действия, при которых целевая перспектива исходного и производного действий, их логические и семантические валентности совпадают, скрытых дополнительных пропозиций в семантической структуре единицы не выделяется. Мутационные модели в данной группе являются единичными (чешские глаголы типа *odplevelit*; русские и чешские единицы типа *odepisovat / отвечать на письмо*).

Ко второй группе соответствий следует отнести глаголы, в которых чешский префикс ОД- устойчиво выступает в значении, аналогичном значению русского префикса РАЗ- (или его заимствованного синонима ДЕ-). Это значение – «уничтожение результата ранее произведенного действия, обратного действия»: *odličit / разгруппировать, odmrazit / разморозить, odmontovat / демонтировать, odmořit / дегазировать*. С учетом целевой перспективы исходного и производного глагола, которая меняется на противоположную, эти единицы следует квалифицировать как относящиеся к мутационному типу номинации. В русском языке глаголы с приставкой ОТ- в подобном значении отсутствуют.

Третью группу единиц составляют глаголы, не имеющие параллельных соответствий в сопоставляемых языках. Так, русские глаголы с префиксом ОТ- (и постфиксом -СЯ) со значением «уклонения от чего-либо» имеют следующие эквиваленты в чешском языке: *omgovorit se / vymluvit se; omnucet se / -, но omnucka / formální odpověď; otkeřivati se от чего-либо / všemožně se bránit, bránit se zuby; otkeřivati se от кого-либо / zříkat se; ommalčivati se / zachovat mlčení*. Мутационность данной модели подтверждает изменение целевой перспективы префиксальных глаголов: производящие глаголы (в отличие от производных) *молчать, писать, говорить* не имеют своей целью уклониться от чего-либо. Приведенные примеры показывают, что чешскому языку не свойственна данная модель номинации, так как в качестве аналогов русских глаголов выступают разнородные единицы, в большинстве своем несловные образования.

Также необходимо отметить, что русский и чешский языки отличаются наличием в чешском языке значительного количества аналитических единиц, большей продуктивностью подобной модели номинации действия в данном языке (прежде всего, это глаголы качественного и эмоционального состояния – *zůstávat stát* («стать застывшим») / *zamírat, mít starost* («иметь опасение») / *bespokouet se* и др.). Степень

идиоматичности подобных единиц, их формально-семантическая структура и продуктивность моделей, по которым они образуются, значительно варьируются (с одной стороны, *mít rád / любить, mít starost / беспокоить(ся), být nemocen / болеть*, с другой стороны, *stávat se veselým / веселеть, přestat milovat / разлюбить*). Активное использование подобных аналитических моделей обозначения действия в чешском языке поддерживается использованием глагольной связки в формах настоящего и прошедшего времени, морфологически выраженной категорией результативного состояния (*Mám uklíženo. У меня убрано*), что не характерно для русского языка. Отметим, что в русском языке аналитическим формам соответствуют однословные глаголы, при наличии подобной аналитической русской единицы она рассматривается как описательная, имеющая иную стилистическую маркированность и не единственная в обозначении соответствующего действия (для сравнения: *беспокоиться – иметь опасение*).

Далее обратимся к другой мутационной модели, представленной группой рассматриваемых русских глаголов с префиксом ОТ- в значении «доведение продолжительным / интенсивным действием до потери чувствительности»: *отсидеть, отлежать* (ногу). В чешском языке им соответствуют глаголы с префиксом PŘE- *přesedět si, přeležet si* (ноhu). Как в русском, так и в чешском языке наблюдается мутация исходного значения глагола, но происходит она на принципиально разных основаниях, указывающих на разное представление данного действия носителями этих языков. В русском языке акцентируется значение приставки ОТ- «отделение части от целого» и на первый план выводится результат действия: «ноги, которую отсидели / отделили от туловища, как будто нет». В чешском языке в коммуникативном фокусе оказывается процесс, приведший к данному результату, и акцент делается на приставке PŘE- со значением чрезмерности, излишней интенсивности действия: *слишком долгое сидение на ноге приводит к ее онемению: «ногу как будто пересидели*». Данные единицы показывают, как определенное смысловое содержание осмысливается и передается по-разному даже в близкородственных языках. Кроме того, на примере указанных глаголов демонстрируется особая функция префикса (соответственно ОТ- и PŘE-) в трансформации глагольной семантики в обоих языках.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ семантики русских и чешских глаголов дает возможность сделать следующие выводы.

В целом общая направленность русской и чешской номинации действия представляется совпадающей, однако генетическое родство языков не делает модели номинации, их продуктивность и единицы, образованные по этим моделям, абсолютно идентичными в рассматриваемых языках. В русской и чешской глагольной номинации можно отметить существенные формальные и содержательные различия, которые касаются, прежде всего, формальной выраженности того или иного значения: глаголом с аналогичным славянским префиксом, глаголом с иным префиксом в синонимичном значении, аналитическим образованием. При этом аналитические конструкции при назывании действия в чешском языке значительно преобладают по сравнению с русским языком. Даже при формальном совпадении русских и чешских глаголов наблюдаются их различия в номинативном потенциале, обусловленные тем, что чешский глагол в сравнении с русским характеризуется более выраженной маркированностью объекта и орудия действия в семантической структуре.

Сходство рассматриваемых русских и чешских глаголов (как и глагольных систем в целом) заключается в наличии общей тенденции к преобладающему количеству единиц модификационного типа номинации, как правило, идентичных в рассматриваемых языках. Русские и чешские глагольные приставки могут использоваться в мутационных моделях, которые чаще, чем модификационные, оказываются специфическими для каждого языка.

ЛИТЕРАТУРА

Волохина, Попова 1993 - *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.

Королева 2003 - *Королева Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.

Лебедева 1999 - *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.

Петрухина 1996 - *Петрухина Е.В.* Производная глагольная номинация: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) // Вестник МГУ. Филология. 1996. № 6. С. 42–55.

Петрухина 2000 - *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во МГУ, 2000. 256 с.

REFERENCES

Volohina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: semantics, system relations]. Voronezh: VSU.

Koroleva, Ju.V. (2003) *Poliprefiksial'nye glagoly v russkom yazyke* [Poliprefiksialnye verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Lebedeva, N.B. (1999) *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksial'nykh glagolov)* [Polisituation of verbal semantics (based on the Russian prefixed verbs)]. Tomsk: Tomsk State University.

Petrukhina, E.V. (1996) *Proizvodnaya glagol'naya nominatsiya: modifikatsiya i mutatsiya (na materiale russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov)* [The derived verbal nominations: modification mutation (based on Russian and West Slavic languages)]. *Vestnik MGU. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 6. pp.42-55.

Petrukhina, E.V. (2000) *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspect categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. Moscow: Moscow State University.

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fil Yulia – Ph.D. of Philology, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department of National Research Tomsk State University.

E-mail: 2fil@inbox.ru